

УДК 811.111:82-83 (043.3)

Федотова М.А.

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ, ОБУСЛОВЛЕННЫХ ВОЙНОЙ

В работе рассматриваются лингво-культурологические проблемы, встающие перед человеком как языковой личностью в процессе межкультурной коммуникации во время военных действий. Данное исследование подтвердило исходную гипотезу о влиянии чужой культуры на языковую картину мира индивидуума и коммуникативные сложности, связанные с различием взглядов, обычаев и традиций разных народов.

Ключевые слова: культура, межкультурная коммуникация, коммуникативный код, языковая личность, безэквивалентная лексика.

Федотова М.А. Особливості лінгво-культурологічних контактів, зумовлених війною. У роботі розглядаються лінгво-культурологічні проблеми, що постають перед людиною як мовною особистістю в процесі міжкультурної комунікації під час війни. Виконане дослідження підтвердило вихідну гіпотезу щодо впливу чужої культури на мовну картину світу індивідууму та комунікативних складнощів, що пов'язані з різністю поглядів, звичаїв та традицій різних народів.

Ключові слова: культура, міжкультурна комунікація, комунікативний код, мовна особистість, безеквівалентна лексика.

Fedotova M.A. Peculiarities of linguo-cultural contacts during hostilities. The paper is focused on the linguo-cultural problems that a person as a linguistic personality faces in the process of cross-cultural communication at war. The research makes it possible to speak about the influence of alien culture on the mental picture of the world of an individual and the complications in the process of communication caused by differences between customs and traditions of different ethnicities.

Key words: culture, cross-cultural communication, communicative code, lingual personality, non-equivalent lexis.

Процессы глобализации, все более охватывающие мир, вызывают в нем неоднозначную реакцию в связи с неопределенностью, сомнительностью, непредсказуемостью или даже неприемлемостью их результатов. С одной стороны, разные континенты теряют свою обособленность и связываются финансовыми, технологическими, политическими связями, что способствует мировому прогрессу. С другой стороны, легкость пересечения границ приводит к небывалому распространению опасных заболеваний, монополизации международного капитала, расширению сферы действия террористических и военных сил.

Войны сопутствовали развитию человечества на протяжении всей его истории. Ни одна эпоха не обходилась без них, мелких междоусобных или за мировое господство. Естественно, чем масштабнее военные действия, чем большие силы и территории в них вовлечены, тем большее количество разных рас, этносов, культур и языков подвергаются непосредственному

или опосредованному влиянию войны. В художественной литературе всех стран теме войны посвящены сотни произведений.

Как правило, они положительно представляют одну сторону военного конфликта – "наших", т.е. тех, чью сторону и точку зрения выражает автор. "Не наши" – чужие, враги, оккупанты, захватчики находятся на противоположном конце шкалы ценностей, и главная задача автора состоит в том, чтобы возвеличить "своих" и резко снизить образ "чужих"¹.

Материалом предлагаемой статьи послужили англоязычные художественные произведения, посвященные теме Второй Мировой войны, место действия которых – Греция. Это романы Луиса де Берньера "Мандолина капитана Корелли" [18] и Джеймса Олдриджа "Дело чести" [16] и "Морской орел" [17].

Их героями являются иностранцы, попавшие в Грецию в рядах армий своих стран. Причем, если в "Деле чести" и "Морском орле" герои англичане и австралийцы находятся в составе союзнических войск, освобождающих Грецию, то в "Мандолине капитана Корелли" главный герой – представитель оккупационной итальянской армии. Однако, несмотря на эту политически принципиальную разницу, все названные герои имеют общую проблему, связанную с незнанием греческого языка, традиций и обычаев местного населения, т.к. "общение как знаковое взаимодействие коммуникантов <...> возможно лишь в том случае, если у коммуникантов существует общность знаний о реальном мире (энциклопедические знания) и о средствах общения (языковые знания) [8, 4].

Солдат иностранной армии, оказавшись в чужой стране, неизбежно попадает под влияние ее культуры. В связи с тем, что культура представляет собой как определенную форму общественного бытия людей, так и форму присвоения личностью коллективного опыта [1, 289], индивидуум, познавая ранее неизвестные ему факты, дополняет свои представления о мире, т.е. его картина мира обогащается новыми знаниями.

Как известно, языковое сознание реципиента может быть описано через его тезаурус и представлено в виде фильтра, через который пропускается всякая поступающая к нему информация [3, 201]. Последняя оседает там в виде концептов, "основных ячеек культуры в ментальном мире человека" [7, 51], после чего индивидуум может свободно оперировать ими.

Однако в случае, когда новый концепт еще недостаточно хорошо закреплен в ментальном мире языковой личности, использование его вербального выражения может быть затруднено. Например, персонаж забывает необходимое слово:

Burke was trying to remember the Greek word for water, but was still too tired, and the woman's knee was weighing in the small of his back (17, 23).

Еще пример:

He tried all the Greek he knew on the waiter but it didn't get them anywhere, so they went out (16, 98).

¹ В этом смысле интересно сравнить художественную прозу России и Франции, посвященную Наполеоновским войнам, или литературу Испании и Великобритании о судьбе Великой Армады.

Лакуны в тезаурусе приводят к использованию невербальных средств общения. Например, вернувшись домой, гречанка Пелагия, главная героиня романа "Мандолина капитана Корелли", встречает там итальянского офицера, пытающегося расквартировать офицеров штаба в домах местных жителей:

*The plump officer **smiled expansively, raised his arms in a gesture that signified, 'I would explain if I could, but I don't speak Greek,' and said, 'Ah,' in a manner that signified, 'How delightful to see you, since you are so pretty, and I am embarrassed to be in your kitchen, but what else can I do?'*** (18, 199).

Коммуникация с носителями чужой культуры – это самый быстрый способ "внесения той или иной коррекции в образ мира собеседника" [6, 272]. Безусловно, для успешной коммуникации необходимым фактором является владение коммуникативным кодом, т.е. языком обеими сторонами. Эффективность и глубина усвоения чужого языка иностранцем подчиняются действию ряда факторов, как объективных (таких, например, как длительность пребывания в стране, принадлежность языков к одной или разным языковым семьям), так и субъективных (цель пребывания, психофизические характеристики личности и пр.) Иными словами несовпадение "реального мира, членимого и интерпретируемого посредством человеческого восприятия в виде картин языка, творимого или сформированного человеком с точки зрения его физического и духовного (идеального) взаимодействия с окружающей средой" [4, 14] обуславливает возможность и наличие коммуникативных неудач при общении иностранцев. Их возникновение связано с тем, что "всякий акт продуцирования речи или ее понимания, всякий акт семантизации не замыкается в пределах актуализованных смыслов произнесенных или написанных слов, но требует обращения к так называемым знаниям о мире" [5, 165].

Следовательно, языковая личность, не являющаяся носителем языка, на котором осуществляется коммуникация, и не обладающая достаточными знаниями о представляемом им мире, не может быть полноценным участником коммуникации, получая и передавая информацию либо в усеченном, либо в искаженном виде: "Кросслингвальные различия в дискурсе могут повлиять не только на понимание речи, но и на ее продуцирование" [14, 49].

*They stood around him. He thought carefully, and worked out the order of the thing more than before, and told them of it. **In English** it was not so apparent as a scheme as it was **in Greek**. Even he himself understood that* (17, 178).

В одной из своих работ Э. Сепир утверждал: "Окружающий мир в значительной части бессознательно строится на языковых устоях этнической группы. Не существует двух достаточно одинаковых языков, чтобы обозначить одну и ту же социальную реальность" [15, 32]. Иными словами, знания собственно вербального кода (т.е. языка) и правил его использования оказывается недостаточно для успешного общения с носителем языка, необходимо еще овладеть внекодовыми знаниями, т.е., тем, что принадлежит невербальным кодам культуры того лингвистического сообщества, для которого используется язык является родным [2, 7].

В чужом пространстве нельзя "по умолчанию" (М. Минский) восстановить весь фрейм по одной детали (слоту), ибо для восстановления нужна ис-

ходная сущность, которой не в своей концептосфере нет. Сказанное справедливо для всех аспектов человеческого существования, включая психические и эмоциональные: "Существуют значительные индивидуальные и культурные различия в переживании эмоций, <...> различия в существенных глубинных когнитивных основах эмоциональных реакций" [9, 314-318].

Англоязычные персонажи Олдриджа окружены дружественно настроенными греками, капитан Корелли – их враг, но в обоих случаях возникает общая проблема неадекватности коммуникативного процесса. Иными словами, в любых обстоятельствах у человека существует необходимость общения и познания окружающего его мира, пусть даже чужого и враждебного. Поэтому межкультурное общение представляет собой в высшей степени оппозитивный диалог сознаний. В процессе межкультурного диалога происходят коллизии двух национальных сознаний: в конфликт вступают "свои" и "чужие" когнитивные, эмотивные и аксиологические установки [10]. В процессе общения и познания происходит взаимопроникновение культур¹.

Как упоминалось выше, основным компонентом процесса успешной коммуникации является понимание сказанного, которое не повторяет, не дублирует высказывание говорящего, но создает свое представление, свое содержание. "И говорящий, и понимающий при этом не остаются каждый в своем собственном мире; напротив, они сходятся в новом, третьем мире – мире общения, вступают в активные диалогические отношения. При этом понимание никогда не представляет собой завершенного статического состояния ума. Оно всегда имеет характер процесса проникновения – неполного и частичного" [11, 377]. Именно от степени и качества проникновения зависит, насколько успешной будет коммуникация. Необходимым фактором в данном случае является владение всеми участниками общим коммуникативным кодом, выступающим "в виде системы общих когнитивных процессов, которые служат индивидууму для внесения в коммуникацию ясности для окружающих и самого себя" [13, 204].

Различие культур и мировоззрений выражено автором "Мандолины" в главе "Сопротивление". Пользуясь тем, что итальянцы, использующие латиницу при передаче письменной речи, даже зрительно не воспринимают греческий, при передаче которого используется собственный греческий алфавит (названный автором почему-то кириллицей), жители острова делают на стенах всевозможные надписи, выражающие их возмущение присутствием оккупационных войск на своей территории:

*All over the island there was a burgeoning of graffiti that **took merry or malicious advantage of the fact that the Italians could not decipher the Cyrillic script** <...> **Ergo, conditions were ideal** for the nocturnal splashing of white paint in huge letters on all available walls, especially as the quirks of an individual's handwriting could render the letters even more completely inscrutable (18, 197).*

¹ При этом безусловным остается тот факт, что во время противостояния каждый народ старается сохранить свою культуру, обычаи и традиции незабываемыми, в то время как при поражении одной из сторон, другая сторона пытается насадить свою культуру и обычаи побежденной стороне.

Иностранцами, находящимися в чужой стране, относительно легко усваивается безэквивалентная лексика. Напр., лексемы, называющие предметы национальной одежды, блюда национальной кухни, национальные танцы, музыкальные инструменты и т.п., не требуют особой ментальной операции по сопоставлению обозначаемого концепта с тем, что уже имеется в индивидуальной концептосфере иностранца, по той простой причине, что указанные лексемы представлены в его языке лакунами, и необходимость концептуальной "подгонки" отпадает сама собой.

Как это парадоксально ни звучит, но наибольшие концептуальные соответствия показывает "безэквивалентная" лексика, которая входит в чужой язык в качестве транслитерированных/переведенных варваризмов. Например, в романе Дж. Олдриджа "Морской орел" партизаны-греки волнуются по поводу приближающегося шторма, употребляя слово *mel-tem*, непонятное их англоязычным товарищам по оружию:

"Perhaps it is the mel-tem," he said.

"I don't care what it is," Stone told him. "If this can take it"<...>

"The mel-tem is the summer gale. Look." And he pointed again (17, 63).

<...>"That must have been a typhoon," Burke said of the storm.

"It was the mel-tem," Nisus said (Ibid, 75).

Получив объяснение, и Стоун, и Берк включают *mel-tem* в свой словарь в единстве его лингво-концептуальных признаков. Иными словами, можно утверждать, что чем больше в слове (словосочетании) выражена его национальная (этническая) специфика, тем более полно иностранец воспринимает чужой концепт, т.к. его восприятию не мешает "внутренняя интерференция", т.е. частичные семантические соответствия лексических эквивалентов. Следовательно, именно безэквивалентный сегмент чужого словаря, обязательно требующий специального разъяснения для не владеющего им участника межкультурной коммуникации, не надеющегося в этом случае на возможность "частичного понимания", не грозит коммуникантам опасностью коммуникативной неудачи.

Иное дело – та огромная часть словаря, которая называется эквивалентной лексикой. Коммуникативные осложнения, вызванные языковыми расхождениями, особенно наглядны при сопоставлении лексем, предположительно (или исходно) называющих один референт, но пришедших, в процессе исторического развития, к собственным семантическим структурам к различающимся в двух языках семным составам. Здесь приходится усваивать не только новый элемент языка, но и вписывать его в новую когнитивную сферу. Напр. греческое *kapheneion* многократно встречается в проанализированных текстах (Fa= 35), по форме напоминает интернационализм *cafe*, однако, его семантико-культурологическое наполнение не имеет одно / однозначного соответствия с указанным и общепринятым эквивалентом, ибо *kapheneion* для греков – это своего рода клуб, где собираются только мужчины, которые читают газеты, обсуждают новости, активно курят, и только между прочим пьют кофе. Поэтому поступок Пелагии, которая вошла в кафе в поисках отца – это нарушение общественных устоев, что непонятно иностранцу, привыкшему к иному отношению к посетителям кафе и назначению последнего:

Pelagia appeared at the door of the kapheneion, beckoning urgently to her father, and embarrassed by the knowledge that the presence of a female anywhere near to such a place was a worse sacrilege than spitting on the tomb of a saint (18, 64).

Таким образом, мы видим, что наличие эквивалентной лексики в двух языках отнюдь не означает облегченной межъязыковой коммуникации, ибо одна лексема означает два *разных* концепта в двух культурах. Действительно, "языки категоризуют естественный и артефактный мир очень последовательно. Они представляют собой развернутые системы классификации (таксономии), которые сообщают, в каком направлении изучать частные виды/обычаи культурной жизни" [12, 26].

Подытоживая сказанное, отметим, что иностранцы, оказавшиеся на чужой территории в результате военных действий, помимо физических, психологических, политических, экономических проблем, которые рассматривают историки, социологи и авторы военных хроник и романов, неизбежно сталкиваются и с проблемами лингво-культурологическими, которые серьезно усугубляют затрудненность или делают невозможной коммуникацию двух сторон и которыми еще предстоит заняться лингвистам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в XXI век./ В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации./ Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. – 288 с.
3. Дридзе Т.М. Семиотический уровень как существенная характеристика реципиента / Т.М. Дридзе // Смысловое восприятие речевого общения. – М.: Наука, 1976. – С. 198-211.
4. Зеленько А.С. До питання про становлення лінгвістичного детермінізму (від структурної до когнітивної семантики)/ А.С. Зеленько. – Луганськ: Альма Матер, 1999. – 203 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность./ Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 263 с.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. / А.А. Леонтьев. – М.: Лань, 2003. – 287с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений./ В.А. Маслова. – М.: Издательский центр "Академия", 2001. – 208 с.
8. Общение. Текст. Высказывание. / под ред. Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. – М., 1977. – 287с.
9. Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз// Язык и интеллект / Сост. В.В. Петров. – М.: Прогресс, 1996. – С. 314-384.
10. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология./ Ю.А. Сорокин. – Самара: Русский лицей, 1994. – 191с.
11. Уайтхед А. Избранные работы по философии./ А. Уайтхед. – М.: Прогресс 1990. – 603 с.
12. Duranti A. Linguistic Anthropology./ A. Duranti. – Cambridge: Cambr. UP, 1997. – 398 p.
13. Knoblauch C. Sprache und Sprechfähigkeit: Sprachpsychologische Konzepte./ C. Knoblauch. – Tübingen, 1994. – 253 s.
14. Odlin T. Language Transfer./ T. Odlin. – Cambridge: Cambr. UP, 1989. – 161 p.
15. Sapir E. The Status of Linguistics as a Science. /E. Sapir// Collected works in two volumes. – Dordrecht, 1969. – Vol. I. – P. 27-61.

ИЛЛЮСТРАТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

16. Aldridge, James. Signed with their Honour./ James Aldridge. – Boston: Little, Brown and Company, 1942. – 392 p.
17. Aldridge, James. The Sea Eagle./ James Aldridge. – K.: Dnipro Publishers, 1973. – 280p.
18. Bernieres, Louis de. Captain Corelli's Mandolin./ Louis de Bernieres. – L.: Vintage, 1999. – 534 p.